

Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв.

Майя Лавринович

**How Nikolai Petrovich quarreled with Alexey Fedorovich:
patron-client relations
in Russian society of the late eighteenth and early nineteenth centuries**

Maiia Lavrinovich

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Неприятная история середины 1800-х гг., случившаяся между графом Н.П. Шереметевым и чиновником Московского архива Коллегии иностранных дел статским советником А.Ф. Малиновским, не получила огласки и была замята самим Шереметевым¹. Между тем этот незначительный на первый взгляд эпизод проливает свет на структуру и функционирование патрон-клиентских отношений в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. – устойчивых, добровольных, неравных и неофициальных связей между влиятельными «покровителями» и их «клиентами», покоящихся на обмене ресурсами².

В современной историографии признаётся, что эта система пронизывала все социальные и политические структуры европейских обществ Нового времени, не исключая России³. М.М. Кром проанализировал её функционирование на основе анализа комплексов переписки князей Оболенских XVI в. и кн. В.В. Голицына последней трети XVII в. Согласно его наблюдениям, одним из отличительных признаков такого рода отношений являлась специфическая лексика и стиль переписки: обращённое к патрону «государь» и намеренно сниженное именование (в том числе самоименование) клиента, которого патрон мог назы-

© 2016 г. М.Б. Лавринович

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2015 г.

Автор благодарен Т.В. Костиной, К.А. Осповату, С.В. Польскому и А.М. Феофанову за ценные советы.

¹ Намёки на эту историю содержит юбилейная монография А. Виноградова о Странноприимном доме, а также статья С.Р. Долговой: *Виноградов А.* Странноприимный дом графа Шереметева в Москве. 1810–1910 гг. М., 1910. С. 55–60; *Долгова С.Р.* Н.П. Шереметев и семья Малиновских // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 364–374.

² См.: *Krom M.* Formen und Patronage in Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Bd. 57. 2009. № 3. S. 321.

³ Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004. С. 271; *Schramm G.* Patronage im Staat, Patronage an Stelle des Staates // *Klientelsysteme im Europa in der Frühen Neuzeit* / Hg. A. Maczak. München, 1988. S. 157.

вать «вскормленник» или «воспитанник», отсылая к римской традиции, когда клиенты жили в домах патронов. В социальном контексте эти отношения могли реализовываться как между князем, боярином, его родственниками внутри домохозяйства, так и в ситуациях распределения должностей, напоминая феномен, описываемый применительно к западноевропейским практикам как «брокерство» (посредничество). Патрон-клиентские отношения пронизывали жизнь людей, формируя наряду с отношениями родства и свойства сложную сеть неофициальных личных связей⁴.

Статья Крома убедительно опровергает высказывавшуюся ранее точку зрения о том, что в России эти отношения не нашли отражения в письменных источниках вплоть до XVIII в., причём и тогда практика частного общения характеризовалась крайним «немногословием». Это мнение одного из первых исследователей патрон-клиентских отношений в России – Д. Рансела, работы которого, тем не менее, выявили основные пути их изучения: патронаж заменял собой общественные институты, облегчал социальную мобильность, обеспечивал существование не получавших пенсии отставных дворян, гарантировал личную безопасность, способствовал карьере и поддерживал социальный статус в условиях отсутствия конституционных гарантий⁵.

Исследование Крома возникло на волне поднявшегося в 2000-е гг. интереса к патрон-клиентским отношениям в России. Методологический толчок исследованиям в этом направлении дала опубликованная в 2004 г. дискуссия. Так, Е.В. Анисимов в своей реплике указал на то, что «круги покровительства» существовали в различных сферах: в государственных учреждениях, в армии, в поместье, в искусстве и интеллектуальной жизни. Они имели в основе родство, землячество, соседство, а также связи по духовному родству, возрасту, даже между должниками и займодавцами. П.В. Седов обнаружил в XVII в. три основных источника заступничества и покровительства: родство, соседство и принадлежность к церковной общине. Историки указали на главную отличительную черту таких отношений – неформальность, т.е. отсутствие какого бы то ни было регулирования (в отличие от Римской империи, где они были прописаны в законах). Тем не менее их участники фактически были связаны обязанностью оказания услуг (Е.В. Анисимов), общественным ожиданием, которое нельзя обмануть (М.М. Кром)⁶.

Траектория анализа, предлагаемая в данной статье, вытекает из этой дискуссии, в частности, из методологической установки, предложенной А.В. Бекасовой: патрон-клиентские отношения – не просто протекция, оказываемая влиятельным лицом тем, кто стоит на более низких ступенях социальной иерархии: они имеют принудительный и взаимовыгодный характер, скрываемый за любезностью и предупредительностью⁷. Именно такими были отноше-

⁴ Krom M. Op. cit. S. 325–333; см. также: Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. № 4(122). М., 2001. С. 377–378.

⁵ Ransel D. Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian letter-Writer // The Rich, The Well Born, and the Powerful: Elites and Upper Classes in History / Ed. by F.C. Jaher. Urbana; Chicago; L., 1973. P. 154–178; idem. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa in der Frühen Neuzeit. S. 211–231. Феномен «немногословия» источников обнаруживается и в других странах на периферии Европы в раннее Новое время – в Шотландии и Польше. См.: Schramm G. Op. cit. S. 157.

⁶ Патронат и клиента в истории России... С. 263–269.

⁷ Там же. С. 271.

ния графа П.А. Румянцева с детьми, родственниками и доверенными лицами, описываемые в работе Бекасовой категорией «домовое подданство»⁸. Не случайно в посвящённой Румянцеву оде придворного поэта В.С. Петрова (1775) подчинённые ему по службе представлены как члены его «расширенного домохозяйства»: отношение патрона к своим клиентам легко помещается в патриархальную модель государственного управления и социальной организации⁹.

Отношения патрона и клиента как род социальных отношений создали в середине – второй половине XVIII в. специфическую поэтику и дискурс. В их основу легли обширная панегирическая традиция, воспринятая русской культурой в течение XVIII в., а также ранее ассимилированная античная традиция употребления терминов «друг» и «дружба»¹⁰. По мнению Л. Голбурт, хотя институт патроната покоился на стратифицированном социальном порядке, но в языковом плане, он, наоборот, социально уравнивал тех, кто затронут узами дружбы и взаимных обязательств¹¹. Примеры такого «равенства» можно найти в переписке М.В. Ломоносова с его патронами И.И. Шуваловым и М.И. Воронцовым, изученной К.А. Осповатом. Именно благодаря покровительству Шувалова Ломоносов смог утвердить свой социальный статус независимого учёного и добиться признания своих научных занятий – от поэзии до стеклоделия – придворной и политической элитой. В результате он оказался в положении, сходном с тем, которое занимал Гораций как клиент, патрон которого (Меценат) пользовался расположением правителя (Августа). Механика этого процесса прочитывалась современниками в «Эпистолах» Горация. Социальную идентичность Ломоносова формировали скорее преимущества, которые давал патронаж, чем должность профессора химии¹².

Н.П. Шереметев, А.Ф. и Ф.А. Малиновские также оперировали в своей переписке понятиями «дружба», «друг» и «дружеский», однако их отношения нельзя приравнять к тем, которые стоят за этими словами сегодня. Именно в это время, на рубеже XVIII–XIX вв., зарождалось сентименталистское понимание «дружбы», близкое к современному, т.е. подразумевающее близкие межличностные, а не политические связи. Однако доминирующей всё ещё оставалась иная, греко-римская традиция, с характерным для неё представлением о возможности «неравной» дружбы, на уровне языка тесно связанной с лестью¹³. И эпистолярный стиль А.Ф. Малиновского – возвышенно-услужливый, и заверения Шереметева в дружбе, обращённые к Малиновским, объясняются именно историческим контекстом бытования этого понятия. Обозначение клиента словом «друг» (*amicus*, «приятель», «старый знакомец») было

⁸ Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

⁹ Golburt L. Vasily Petrov and the Poetics of Patronage // Вивліоїка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2015. Vol. 3. P. 47–69; см. работу о «семейном» стиле политической коммуникации: Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // Ab Imperio. 2009. № 3. P. 65–93.

¹⁰ Калугин Д.Я. История понятия дружба – от Древней Руси до XVIII века // Дружба. Очерки по теории практик. Сборник статей / Под ред. О.В. Хархордина. Вып. 3. СПб., 2009. С. 193.

¹¹ Golburt L. Op. cit. P. 61.

¹² Ospovat K. Mikhail Lomonosov Writes to his Patron: Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 59. 2011. № 2. S. 240–266.

¹³ Golburt L. Op. cit. P. 61. Отмечу, что В.П. Петров (1736–1799) учился в Славяно-греко-латинской академии приблизительно в одно время с протоиереем Ф.А. Малиновским (1750-е гг.). Именно там будущий поэт и усвоил классическую литературную традицию, включавшую также определённые представления об общественной иерархии.

маркером «неравной дружбы», распространённым и в Европе того времени¹⁴. И в древнеримском, и в новоевропейском словоупотреблении это понятие могло использоваться с целью затушевать иерархическую дистанцию между патроном и клиентом, но не уменьшить её¹⁵. В целом же хорошо сохранившаяся переписка Н.П. Шереметева и А.Ф. Малиновского позволяет реконструировать механику поддержания отношений патрона и клиента, виды взаимных услуг, а также структуры связей, которые формирует сам клиент, выступая в роли «брокера». Частный случай личных взаимоотношений позволяет близко рассмотреть феномен патрон-клиентских связей и стоящие за ними структуры родства, соседства и службы.

Н.П. Шереметев (1751–1809) после смерти отца в 1788 г. стал одним из крупнейших землевладельцев России и вошёл в число богатейших людей своего времени. К 1765 г. Шереметевы владели приблизительно 30 поместьями в 17 губерниях и около 170 тыс. душ мужского пола¹⁶; в 1798 г. ежегодный доход семьи измерялся 632 200 руб., при этом совокупный долг составлял 2 млн руб. В том же году его траты на благотворительность составили 61 200 руб., или 8.9% бюджета¹⁷. С другой стороны, нельзя представить себе более «театрального» человека в XVIII в., чем Шереметев: «театральность» его личной жизни отразилась в разыгрывавшихся на подмостках его знаменитых театров историях¹⁸.

Связи Шереметева и Малиновского освещены в работах С.Р. Долговой. Их фоном в 1800-е гг. было строительство Странноприимного дома в Москве¹⁹. Отец Малиновского протоиерей Ф.А. Малиновский²⁰, духовник Н.П. Шереметева, также пользовался его «дружеским расположением», полагает исследовательница²¹. Происхождение этих отношений неясно: поводом к нему могло послужить соседство Черкасских огородов (выходивших на 1-ю Мещанскую ул.) – земли, принесённой в приданое матерью Н.П. Шереметева княжной В.А. Черкасской, – с приходом церкви Св. Троицы, где служил настоятелем Малиновский-старший²². В 1798 г. он был переведён протоиереем в Благовещенский собор, затем стал настоятелем университетской церкви Св. Татианы²³ и в том же году переехал на жительство в бывший загородный дом Н.П. Шереметева на Черкасских огородах, где в 1794 г. был заложен «гошпиталь», воплотившийся к концу следующего десятилетия в великолепном памятнике архитектуры²⁴.

¹⁴ Krom M. Op. cit. S. 326.

¹⁵ Ospovat K. Op. cit. S. 261.

¹⁶ Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge, 2011. P. 29.

¹⁷ Станюкович В. Бюджет Шереметевых (1798–1910). М., 1927. С. 9, 11–12.

¹⁸ Смит Д. Театральная жизнь графа Николая Шереметева / Пер. с англ. Е. Канищевой // Новое литературное обозрение. Т. 92. 2008. № 4. С. 171–191.

¹⁹ Долгова С.Р. Алексей Фёдорович Малиновский // Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы / Сост. С.Р. Долгова. М., 1992. С. 176–234.

²⁰ Там же. С. 211.

²¹ Виноградов А. Указ. соч. С. 17; Долгова С.Р. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002. С. 100.

²² Виноградов А. Указ. соч. С. 8; Орлов И. Историческое описание московской Троицкой церкви, что в Троицкой, с её приходом, составленное сей церкви священником. М., 1844. С. 58–59.

²³ Орлов И. Указ. соч. С. 94. Как полагает Долгова, это связано с делом Новикова, случившимся за 5 лет до того: Долгова С.Р. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 26.

²⁴ Виноградов А. Указ. соч. С. 12.

Основной источник данной работы – переписка Н.П. Шереметева с А.Ф. и Ф.А. Малиновскими за 1797–1808 гг., хранящаяся в личном фонде Шереметевых²⁵ и частично опубликованная П.И. Бартевым в «Русском архиве»²⁶, а также обнаруженные мною всеподданнейший доклад и прошение Шереметева, в которых он объявил об оставлении им должности попечителя Странноприимного дома и пересмотре своих отношений с А.Ф. Малиновским. Я обращаюсь также к хранящемуся там же «Историческому начертанию о построении Странноприимного в Москве дома и случившихся при том упущениях и неисправности, с примечаниями на оныя», составленному хотя ретроспективно, но, как представляется, ещё при жизни Н.П. Шереметева (т.е. между 1806 и 1808/9 гг.).

А.Ф. Малиновский сделал за свою жизнь поистине блестящую карьеру. Сын приходского священника, он достиг чина тайного советника, стал управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел, сенатором и членом Российской академии, кавалером нескольких орденов, а также дворянином и владельцем земель и крепостных²⁷. Покровительство Шереметева стало лишь одной из составных частей этого успеха. Будучи старшим сыном в семье, Алексей, не достигнув 9 лет, в январе 1771 г. был записан в гимназию при Московском университете учеником «на своём коште». В октябре 1778 г., не поступая в ректорский класс, открывавший путь в студенты²⁸, он уволился и был принят в Межевую канцелярию канцеляристом, т.е. без чина, поскольку не закончил университет²⁹. Однако приблизительно через месяц он уволился по «слабости здоровья» и продолжил «приватное учение на дому»³⁰. Вероятнее всего, за этим стояло решение сменить Межевую канцелярию на Коллегию иностранных дел. В её московский архив Малиновский был принят актуариусом (в должности, которую получали студенты по выходе из университета) с 1 марта 1780 г. с жалованьем 100 руб. в год³¹.

Прощение о зачислении в архив Малиновский подал в 1779 г. по протекции Н.П. Шереметева³², которому пришлось использовать свои связи с высокими сановниками, чтобы устроить сына своего духовника в весьма ограниченный штат коллегии. Таким же образом он поступал и в других случаях. Так, в начале 1800 г. Шереметев ходатайствовал перед Ф.В. Ростопчиным, первоприсутствующим в коллегии, об устройстве в архив своего брата Я.П. Реметева³³, а в 1805 г. – перед А. Чарторыйским, исполнявшим должность канцлера, об определении туда же своего родственника графа Ф.М. Шереметева³⁴.

²⁵ РГИА, ф. 1088; внук Н.П. Шереметева С.Д. Шереметев частично скопировал письма; копии хранятся в фонде Шереметевых в РГАДА (ф. 1287, оп. 1, д. 4839).

²⁶ Русский архив (далее – РА). 1896. № 6. С. 189–210; № 7. С. 305–341; № 8. С. 457–520.

²⁷ См. формулярный список А.Ф. Малиновского 1798 г.: «Надлежит... ведать все уставы государственных и важность их»: Документы РГАДА по истории государственной службы России. XVIII в. / Публ. Н.Ю. Болотиной // Исторический архив. 1999. № 2. С. 212–213.

²⁸ *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 54–55.

²⁹ РГАДА, ф. 1264, оп. 2, д. 3606, л. 1–2. Малиновский не окончил Московский университет и никогда не был студентом, вопреки встречающимся в историографии утверждениям (*Виноградов А.* Указ. соч. С. 17; *Долгова С.Р.* Алексей Фёдорович Малиновский. С. 177–178; *она же.* Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 14), а в Межевую канцелярию подавал прошение как Московского университета «ученик».

³⁰ «Надлежит... ведать все уставы государственных...»... С. 211.

³¹ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 55, л. 153.

³² *Долгова С.Р.* Алексей Фёдорович Малиновский. С. 178; *она же.* Княгиня Дашкова и семейство Малиновских. С. 14.

³³ РА. 1896. № 7. С. 340.

³⁴ Там же. № 8. С. 494.

Уже в 1790-е гг. между Шереметевым и Малиновским-младшим существовали доверительные отношения, основанные на взаимном обмене услугами. В конце 1790-х гг. Малиновский выполнил важное поручение Шереметева: после издания именного указа от 20 января 1797 г., предписывавшего Герольдии составить общий гербовник дворянских родов империи³⁵, он разыскал в архиве подходящие документы и создал родословную и герб рода графов Шереметевых. В конце 1797 г. он выслал в Петербург Шереметеву «некоторые объяснения мои касательно происхождения родоначальника Вашего от [прусского князя] Вейдевута». И Малиновский, и сам Шереметев прекрасно понимали фиктивность этой родословной, однако, как писал её составитель, «усердие моё угодить вашему Сиятельству неограничен[н]о». 15 декабря 1797 г. он объявил порученное ему дело законченным и выслал Шереметеву описание герба, известия «о службах знаменитых предков» (как упомянутые его «достойным учителем» Миллером, так и те, что он сам «отыскав..., прибавил») и прибавил советы, как избежать «исторической критики»³⁶. За «подробное и ясное родословие» и проявленное усердие Малиновский получил в награду 1 тыс. рублей и уверения Шереметева в признательности и готовности «равномерно... быть Вам полезным»³⁷.

В те же годы умение Малиновского выстроить нужную родословную, а также проверенная им на себе схема «одворянивания»³⁸ были ещё раз востребованы Шереметевым, стремившимся воплотить свою мечту – жениться на Прасковье Кузнецовой-Жемчуговой. Малиновский приложил усилия к разысканию в Разрядном архиве польского «предка» Прасковьи Ивановны, прочертив родственную линию между шляхтичем Якубом Ковалевским, попавшим в плен в 1664 г., и семьёй крепостных Шереметевых Кузнецовых. В 1793 г. Малиновский отыскал в присоединённых западных губерниях польских шляхтичей – своих однофамильцев, и там же около 1799 г. был найден шляхтич Ковалевский, согласившийся удочерить Жемчугову³⁹. О том, что супруга его «польского происхождения», Шереметев упомянул в письме к императрице Елизавете Алексеевне, написанном накануне смерти Прасковьи⁴⁰.

В письме 1798 г. Малиновский, поздравляя Шереметева с должностью обер-камергера, прямо говорит об оказываемом ему графом покровительстве⁴¹. В короткий период службы Шереметева главным директором над императорскими театрами (январь–апрель 1799 г.) Малиновский, «штатный» переводчик Московского публичного театра⁴², прислал ему две комедии в своём переводе,

³⁵ ПСЗ-І. Т. 24. № 17749.

³⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 7–7 об., 9–10. Составленный Малиновским герб рода графов Шереметевых опубликован в: Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи, начатый в 1797 году. Часть вторая. Первое отделение, содержащее: Гербы родов княжеских, графских и дворянских Российской империи. № 10. Репринт: Т. 2. СПб., 1992.

³⁷ [Шереметев С.Д.] Отголоски XVIII века. Вып. XI. Время императора Павла. 1796–1800 годы. М., 1905. С. 230.

³⁸ См.: Долгова С.Р. Алексей Фёдорович Малиновский. С. 183.

³⁹ Бессонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. М., 1872. С. 43–44, 81–83.

⁴⁰ РА. 1896. № 8. С. 474.

⁴¹ Там же. № 7. С. 329.

⁴² Самая ранняя публикация перевода относится к 1781 г., в том же году он опубликовал в своём переводе «Максимы», считающиеся первым переводом Ларошфуко в России: *Шредер Х.* Ларошфуко в России // XVIII век: Сборник 10. Русская литература XVIII века и её международные связи. Л., 1975. С. 184–189. Самая ранняя из известных постановок пьес, переведённых Малиновским с немецкого языка, в Московском публичном театре относится к 23 апреля 1791 г.: *Коцебу А.Ф., фон.* Ненависть к людям и раскаяние: Комедия в 5-ти действиях / Пер. с нем. А.Ф. Малиновского. М., 1796.

«в том надеянии, что естли оне удостоятся Вашего одобрения, то и сыграть их прикажете». Протекция Шереметева могла бы обеспечить постановку пьес в придворном театре. В дальнейшем, писал Малиновский в марте того же года, «я за долг почитаю присылать Вам все пиесы, какия только в досужое время могут вытти от меня»⁴³. Оставив свою должность, Шереметев выразил готовность препроводить присланные пьесы к новому директору А.Л. Нарышкину⁴⁴.

В 1803 г., рекомендуя Малиновского неизвестному лицу, Шереметев аттестовал его как человека, «столь же честного, сколь и услужливого» (*aussi honnête que serviable*), движимого исключительно честью, а не собственным интересом (*n'a été guidé par aucun motif d'intérêt, mais par pour honneur*)⁴⁵. Главой московской домовой канцелярии Шереметева Малиновский был назначен вскоре после венчания Шереметева и Жемчуговой, перед их отъездом в Петербург в начале 1802 г.⁴⁶ В это время Малиновский прямо именовал Шереметева «благодетелем»⁴⁷ и источником своего благополучия. Поздравляя патрона с днём рождения в июне 1803 г., он писал: «Мера моих благопожеланий Вам так велика, что тщетно б я предпринял изъяснить её. Естли б я придерживался мистицизма, то б нашёл верное отношение между судьбою моею и между днём рождения Вашего. 28 июня Вы родились; а я [в] это же число лишился моей матери, которая любя меня паче всех предрекала мне благополучие; а я в Вас и нахожу его»⁴⁸.

Доверие, которое Шереметев испытывал к Малиновскому, было следствием самой природы их отношений. Для патрон-клиентских отношений характерно, как подчёркивал Ш. Айзенштадт, сочетание асимметрии и видимой взаимной солидарности, принуждения и эксплуатации с добровольностью⁴⁹. Ф.А. и А.Ф. Малиновские составляли часть клиентелы Шереметева, и их связь с покровителем ни в коем случае не подразумевала равноправия, а основывалась на асимметричном обмене услугами⁵⁰. Взаимная выгода, обрамлённая соответствующей риторикой, была условием обоюдного доверия. Без него не были бы возможны ни предложение Малиновскому возглавить важнейшее дело в последнее десятилетие жизни Шереметева – строительство Странноприимного дома, ни решение других важных для самолюбия и репутации Шереметева вопросов.

Так, в 1804 г. между Воронцовыми и Шереметевым состоялся земельный раздел, в котором А.Ф. Малиновский сыграл ключевую роль. Земли Шереметева и Воронцовых в Аткарском уезде Саратовского наместничества имели общую границу⁵¹. Требование Воронцова о размежевании в марте 1804 г. застало Шереметева врасплох⁵². Посылая Малиновскому первые предложения по разделу, он просил «уладить нас с графом и умягчить его, избегая неудовольствия»⁵³. Ещё через несколько месяцев он обратился к Малиновскому с просьбой придумать,

⁴³ РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 13.

⁴⁴ РА. 1896. № 7. С. 331 (8 апреля 1799 г.)

⁴⁵ Там же. № 8. С. 484; По мнению Бартенева, это письмо Шереметева к А.Р. Воронцову. См. также: Захарова О.Ю. Русское дворянство последней четверти XVIII века. Н. Шереметев и А. Воронцов // Московские Шереметевские чтения. М., 1993. С. 24–25.

⁴⁶ Долгова С.Р. Алексей Фёдорович Малиновский. С. 212.

⁴⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 605, л. 10.

⁴⁸ РГАДА, ф. 1287, д. 4839, л. 11.

⁴⁹ См.: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000. С. 42–43.

⁵⁰ Там же. С. 44.

⁵¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 42.

⁵² РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 610, л. 14.

⁵³ Там же, л. 14 об.

«как уговорить» графа Воронцова, заявляя, что он готов на уступки и желает уладить раздел без судебного процесса⁵⁴. Малиновский состоял в подчинении государственного канцлера А.Р. Воронцова, как раз посетившего «по должности» архив в начале 1804 г. и обнаружившего там «благоустройство и порядок», за что Н.Н. Бантыш-Каменскому и Малиновскому в апреле того же года было выражено «высочайшее благоволение»⁵⁵. Эти служебные связи переплетались с личными: Малиновский служил посредником между Н.П. Шереметевым и родной сестрой канцлера Е.Р. Дашковой, выполняя их поручения друг к другу⁵⁶.

А летом 1804 г. Малиновский выступил посредником в деле улаживания конфликта Шереметева с семейством Долгоруковых. Княгиня А.Н. Долгорукова (урожд. Строганова) предъявила Шереметеву претензии на часть наследства его деда фельдмаршала Б.П. Шереметева. Она потребовала «возвращения детям её имения её свекрови», т.е. тётки Н.П. Шереметева Н.Б. Шереметевой. Брат последней П.Б. Шереметев, отец Н.П. Шереметева, как утверждала Долгорукова, выдавая сестру замуж в 1730 г., не выделил из недвижимого имения их покойного отца принадлежавшей ей части⁵⁷. В августе 1804 г. Шереметев попросил Малиновского передать княгине «по знакомству» письмо от него лично, «ежели почтёте сие приличным», рекомендовав при этом посоветоваться с отцом⁵⁸. Как показывает переписка Шереметева по разделу с Воронцовыми, он стремился избежать решения подобных проблем через суд даже с теми, с кем не состоял в родстве или свойстве, не говоря уже о тех, с кем был связан такого рода узами. Уже в сентябре Шереметев благодарил Малиновского и его отца за улаживание этого весьма неприятного дела⁵⁹.

Между тем сын А.Н. Долгоруковой И.М. Долгоруков (1764–1823) был внуком Н.Б. Шереметевой-Долгоруковой и приходился, таким образом, двоюродным племянником Н.П. Шереметеву. Частично сохранилась переписка между ним и Долгоруковым 1800-х гг., когда последний был Владимирским губернатором⁶⁰. Однако Шереметев не стал обращаться к племяннику с просьбой устранить разногласия между ним и его матерью, а предпочёл услуги Малиновского. Почему? Долгоруков был соучеником Малиновского по гимназии Московского университета; в 1778 г. (как раз в тот год, когда Малиновский ушёл из гимназии) он был произведён в студенты, а через два года уже записался на службу в 1-й Московский пехотный полк прапорщиком⁶¹. Возможно, именно этим объясняется «знакомство», хотя, вероятно, и опосредованное, Малиновского с княгиней

⁵⁴ РА. 1896. № 8. С. 495–496.

⁵⁵ РГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 42, ч. 1, л. 12–12 об.

⁵⁶ По мнению С.Р. Долговой, А.Ф. Малиновский был приближен к Е.Р. Дашковой благодаря своей вовлечённости в переводческую деятельность и театральную жизнь. См.: Долгова С.Р. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. Роль Малиновского в отношениях двух аристократов отражена в письмах Е.Р. Дашковой к Малиновскому и письмах Малиновского к Шереметеву, см.: РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 363, л. 25; ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 6, 54.

⁵⁷ Претензии могли иметь под собой основание: в своих записках А.Д. Блудова (Щербатова по материнской линии) передала семейную историю о том, что П.Б. Шереметев пытался удержать свою сестру от брака с И.А. Долгоруковым, когда после смерти Петра II позиции Долгоруковых пошатнулись. Он был крайне недоволен желанием Наталии Борисовны сохранить верность жениху, что и поссорило её с братом (См.: Блудова А.Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // РА. 1889. № 1. С. 72–73).

⁵⁸ РА. 1896. № 8. С. 487–488.

⁵⁹ Там же. С. 489.

⁶⁰ Там же. С. 465–466, 470; РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 177.

⁶¹ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 54–55.

Долгоруковой, о котором писал Шереметев, прося передать письмо. Однако решающую роль сыграло не оно. Претензии Долгоруковой удалось снять благодаря посредничеству старшего Малиновского: протоиерей сам явился с письмом от Шереметева к княгине, когда-то бывшей его духовной дочерью. Долгорукова тут же признала несправедливость своих претензий и лишь просила Шереметева оказать помощь «по случаю помолвки младшей княжны»⁶². Таким образом, духовные узы, связывавшие Ф.А. Малиновского с московской аристократией, оказались ключевым ресурсом для решения «чувствительных» для Шереметева вопросов, а услуги семейства Малиновских оказались незаменимыми.

Предложение принять на себя руководство строительством Странноприимного дома Шереметев сделал Малиновскому весной 1802 г., когда проект, созданный архитектором из крепостных А. Назаровым, ещё именовался «гошпиталем». В то время Малиновский, имевший по службе чин коллежского советника⁶³, уже был издателем «Слова о полку Игореве» и ближайшим помощником Н.Н. Бантыш-Каменского в деле поставки внешнеполитическому ведомству необходимых исторических документов. Его письма того периода, адресованные Шереметеву, точно отражают его место в «домовой» иерархии Шереметева: «Исполнение сего лестного мне препоручения я не только не откладывал, но вскоре по приезде моём за должность почёл осмотреть»; «употребить себя на услуги Вашего Сиятельства при заведении Госпиталя я рад душевно»⁶⁴.

Однако строительство «гошпиталя», позже ставшего Странноприимным домом, растянулось на долгие годы. Уже в письме от 15 декабря 1802 г. Шереметев выражал озабоченность темпами работ: «Желание моё... чтобы вы как можно постарались к половине будущего [1803] генваря месяца кончить с подрядчиками торги и положить всё на такой мере, чтоб не нашлось никаких препон к достижению цели моего стремления». «Я несказанно о том пекусь», – сделал граф собственноручную приписку. Принимая во внимание значение, которое Шереметев придавал строительству даже при жизни П.И. Шереметевой, следует признать, что мера его доверия к Малиновскому была очень высока: «Я положился в сем на вас совершенно и ожидаю от доброго расположения вашего ко мне успехов в моём препоручении. Вам не безызвестно, сколь сильно стремление моё видеть скорое окончание благого начала и уверен, что вы окажете ту помощь, которую ожидает от вас остающийся с искренним почтением и преданностию»⁶⁵.

Договор с подрядчиком на постройку (ещё по прежнему плану) за 88 тыс. руб. был подписан в январе 1803 г.⁶⁶ Нельзя сказать, что Шереметев смотрел на расходы сквозь пальцы: «Но лишняя переплата процентов для которых подрядчик, желая большего интересу, вероятно, будет стараться употребить больше суммы, имеет также и свои невыгоды», – писал он Малиновскому, прося об этом подумать⁶⁷. К началу 1803 г. левая половина госпитального корпуса, состоявшая из 32 палат, была уже готова, и Шереметеву рекомендовали поселить в неё призреваемых, чтобы прекратить несистематическую выплату ежемесячных пособий⁶⁸. Однако после смерти своей супруги в феврале 1803 г., в «скучное и несносное» время, он решил пожертвовать значительную часть своего состоя-

⁶² РА. 1896. № 8. С. 498.

⁶³ РГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 42, ч. 1, л. 9–10.

⁶⁴ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 605, л. 10 об.

⁶⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 4–4 об.

⁶⁶ Виноградов А. Указ. соч. С. 21.

⁶⁷ РА. 1896. № 8. С. 468.

⁶⁸ Виноградов А. Указ. соч. С. 38.

ния на то, чтобы превратить строившийся «госпиталь» в мемориал ей, надеясь, как он писал, «успокоить страждущий мой дух и раздираемое печалию сердце, как только одним пособием для бедствующих»⁶⁹. Начиная с весны 1803 г. Странноприимный дом приобретает свои нынешние архитектурные очертания. Ранее ничем не выдающееся здание было превращено в великолепный дворец. Архитектор Дж. Кваренги внёс существенные изменения в прежний проект, создав монументальную постройку с церковью в центре⁷⁰. В мае 1803 г. Шереметев санкционировал увеличение расходов, учитывая внесённые в план изменения: «Прибавки, требующия особливых издержек и в суммах, которая вновь сделанные планы я утвердил, и вручил Алексею Фёдоровичу, с просьбою моею о приведении их в исполнение»⁷¹.

Изменилась и концепция учреждения⁷². «Учреждение и штат» Странноприимного дома были подтверждены императором в апреле того же года⁷³. Малиновский стал распорядителем всех работ: как «по дружбе» его к Шереметеву, так «и по обязанности», вытекавшей из высочайшей конфирмации, последний «представил... в полное его распоряжение оканчивать строение»⁷⁴. Тогда же Шереметев потребовал от своей московской домовой канцелярии, которую возглавлял тот же Малиновский, всеми силами способствовать, чтобы не было «ни малейшаго промедления... в довершении сего заведения общими силами» и «оберегаться» неких упущений, какие были «при начале постройки им заведения у поставки материал и в щету»⁷⁵. Начиная с 1805 г. руководство строительством вместо московской домовой канцелярии было возложено на особую строительную контору во главе с подъячим Николаем Агриковым. Назаров был заменён другим крепостным архитектором, Алексеем Мироновым с двумя помощниками. Также были назначены из дворовых люди для «смотрения за приёмкою поставляемых материалов». Во главе строительной конторы был поставлен С.М. Соймонов, поступивший на службу к Малиновскому в 1804 г. Ему и подчинялись архитектор Миронов и подъячий Агриков. Все сметы и планы работ «сочинялись» Мироновым, рассматривались Соймоновым и затем представлялись на утверждение Малиновского. Работы подрядчики получали по результатам публичных торгов, утверждавшихся Малиновским, но заключение формальных контрактов и выдача за работу денег были делом домовой канцелярии⁷⁶.

Расходы Шереметева на строительство Странноприимного дома были огромны. В начале 1807 г. он оценил их в 338 198 руб. за 1803–1806 гг.⁷⁷, а считая с начала строительства госпиталя – в 488 391 руб. В эту сумму входили расходы на материалы и жалованье Малиновскому, двум его помощникам, архитекторам и т.д. По оценкам Шереметева, в год расходы составляли более 100 тыс. руб.⁷⁸, хотя годовой лимит на расходы был определён в 80 тыс. руб.⁷⁹ В ноябре 1804 г.

⁶⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 16 об.

⁷⁰ Виноградов А. Указ. соч. С. 38 и далее.

⁷¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 10 об.

⁷² См. подробнее: *Lavrionovich M. The Role of Social Status in Poor Relief in a Modernizing Urban Society: the Case of Sheremetev's Almshouse in 1810–1812 // Russian Review. 2016 (в печати).*

⁷³ ПСЗ-І. Т. 27. № 20727; Учреждение и стат Странноприимного в Москве дома, заводимого иждивением действительного тайного советника и обер-камергера графа Шереметева. М., 1803.

⁷⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 10–10 об.

⁷⁵ Там же, д. 4840, л. 49.

⁷⁶ Виноградов А. Указ. соч. С. 43–46.

⁷⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 17.

⁷⁸ Там же, д. 20, л. 2а.

⁷⁹ Там же, д. 21, л. 17.

Шереметев на свой вопрос об окончании строительства получил от Малиновского ответ, что он «всю возможность» употребит, «чтоб к 23 февраля (дню смерти П.И. Шереметевой. — М.Л.) 1806 года можно было сделать открытие», причём с оговоркой: «исполнить моё желание предуспеть в том никак не смею удостоверить вас»⁸⁰. Через год, в конце 1805 г., Малиновский сообщил, что открытие Дома «не прежде 23 февраля 1807-го воспоследовать может»⁸¹.

Как показывает переписка между Шереметевым и Малиновским, последний мог с лёгкостью манипулировать мнением своего патрона, оказывая давление на его религиозные чувства, и, вероятно, пользуясь его снисходительностью. Шереметев во всём полагался на Малиновского: от концепции Дома⁸² до деталей строительства, оставив за собой лишь решения по интерьеру и росписи церкви: «Желание моё, чтоб был написан Воскресение Христово, а не снятие с Креста, и оной я заставлю сделать в Петербурге». Остальное отдавалось на «расположение» Малиновского⁸³. К 1807 г., хотя основное здание Дома и церковь были завершены, учреждение не было открыто из-за «некоторых препятствий»⁸⁴: на конец 1806 и начало 1807 г. пришёлся пик конфликта Шереметева с Малиновским, возникшего в результате «доносительных изветов», полученных графом в октябре 1806 г.⁸⁵ и подогретого нежеланием Малиновского признать долю своей вины за злоупотребления его подчинённых.

Уже в июле того же года Шереметев в письме к Малиновскому-старшему отметил «расстроенное» и «крайне запутанное» положение дел в канцелярии и упомянул о предстоящем свидании с Малиновским-младшим в Петербурге будущей осенью⁸⁶. Вероятным поводом к беспокойству графа послужила жалоба подрядчиков Бекетова и Страхова о невыплате им по контракту (общей суммой 142 500 руб.) 22 016 руб. за работу и материалы⁸⁷. В сентябре 1806 г. в отчётах домовой канцелярии Шереметевым была замечена «излишняя поддержка против ассигнованной ежегодно суммы». Граф попросил Малиновского «не превосходить из году в год ассигнованной суммы 80 000» и потребовал от него объяснений⁸⁸, но получил уверения, что тот не «передержал» ни копейки, помощник Соймонов безотлучно находится при строительстве и все книги в порядке⁸⁹. «После таких уверительных отзывов, я оставался спокойным», — писал через несколько месяцев Шереметев. Однако в начале октября он получил «доносительные изветы» из 22 статей⁹⁰ и начал действовать. 11 октября 1806 г. он издал «Повеление... собственной и домовой канцеляриям», согласно которому московская канцелярия упразднялась, её глава Малиновский назначался главным смотрителем Странноприимного дома, а Соймонов и Муравьёв — помощниками главного смотрителя⁹¹. Тверская вотчина Шереметева Молодой

⁸⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 32.

⁸¹ Там же, л. 58.

⁸² [Малиновский А.Ф.] Мнение моё о разных обстоятельствах, касающихся до богоугодного заведения, Вашим Сиятельством создаваемого [С примечаниями Н.П. Шереметева] // Столетние отголоски. 1802 г. М., 1902. С. 31–41. Оригинал: РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 6, л. 14–20.

⁸³ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 6, л. 9.

⁸⁴ Там же, д. 21, л. 17; д. 20, л. 2а.

⁸⁵ Там же, л. 17 об.—18.

⁸⁶ Там же, оп. 1, д. 208, л. 43.

⁸⁷ Там же, оп. 14, д. 18, л. 12 об.

⁸⁸ Там же, л. 7–7 об.; д. 11, л. 5; РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 64.

⁸⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 18, л. 8–8 об.

⁹⁰ Там же, д. 21, л. 17 об.—18.

⁹¹ Там же, д. 17, л. 17, 22 об.

Туд (8 444 душ мужского пола) вверялась в управление Малиновскому и его помощникам, а доходы от неё начиная с 1807 г. должны были, минуя казну Шереметева, поступать прямо в Совет Странноприимного дома. Возможно, Малиновский ничего не знал об этих распоряжениях до 28 ноября, когда, по его словам, эти предписания Шереметева были им получены⁹².

26 октября Шереметев отослал Малиновскому полученные «изветы», потребовав объяснений, «коих однакож прислано не было»⁹³. В ответном письме от 1 ноября Малиновский оправдывался своей «слабостью» — обманываться в людях: «Щадить г. Соймонова причины не имею, ибо я не причастен ни к какой гнусности, всякой подлог и всякую оплошность выведу наружу с такою точностию, как бы сами вы их видели. Признаюсь в слабости моей: когда я сам обманываюсь в человеке, то никак не отступлю от характера своего, но лишь только обманчивая завеса начнёт спадать с глаз, то мудрено уже будет укрыться от утончённости моих изысканий»⁹⁴.

Малиновский опечатал бумаги в строительной конторе, «обревизовавши их», и каждую «по лоскутку» описывал, не сообщая Соймонову о причинах ревизии. Шереметев хотел видеть в Петербурге и Соймонова, и Малиновский обещал, что «приманит» того в Петербург, но обещания не выполнил. Другой же помощник, Муравьёв, как утверждал Малиновский, «никакого участия построению не имел, занимаясь токмо делами домовою канцелярии»⁹⁵. 26 октября Шереметев прислал пока не обнаруженные мною 6 «пунктов», потребовав, «чтоб оба помощника... отметили против каждого своею рукою, точно ль значущееся тут исполнено было», но объяснения на них Шереметев получил от Малиновского лишь 24 декабря в Петербурге⁹⁶. 13 ноября 1806 г. Малиновский приказал Соймонову и архитектору Кестнеру «обозреть в натуре строение и что по условию исполнено или чего именно не исполнено, либо под разными предлогами отклонено, сделать свои примечания и мне представить»⁹⁷. Они выявили 18 «неисправностей» по строительству, а также беспорядок в конторе и «прибавку сверх торговой цены»⁹⁸. В Петербург Малиновский прибыл приблизительно 22 декабря 1806 г.

Шереметев не стал заминать дело: в начале 1807 г. он передал императору «всеподданнейший доклад». Однако толкнули его на этот шаг вовсе не вскрывшиеся злоупотребления, а встреча с Малиновским, ловко поставившим дело с ног на голову, и поданные им «отписки»⁹⁹: он «предварительно подал свои уведомления..., делая тот вид, что не я (Шереметев. — М.Л.), но он усмотрел безпорядки и что как будто бы не по тем извещениям, а по собственной обязанности как кантору о строении, так и самое здание, с тем же архитектором..., и с помощником своим освидетельствовал и нашёл, что то самое, что в извещениях показано, большею частию есть справедливо»¹⁰⁰. В одной из поданных 22 декабря 1806 г. «отписок» указаны всего два «неприятных обстоятельства»: 400 руб. приписки за материалы по вине Миронова («а к тому и недостаточное его зрение довело

⁹² Там же, д. 12, л. 1 об.—2.

⁹³ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 18, л. 14 об.

⁹⁴ Датируется по следующему письму Шереметева к Малиновскому от 9 ноября.

⁹⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 65.

⁹⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 11, л. 21.

⁹⁷ Там же, д. 18, л. 17—17 об.

⁹⁸ Там же, л. 22 об.

⁹⁹ Там же, л. 14 об.—16 об.

¹⁰⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 18.

сделать ту ошибку не умышленно»)¹⁰¹ и «запускание книги приходно-разходной», за которую отвечал подьячий Агриков. Последнего Малиновский, по его словам, и прежде «не только грозил высесть, но однажды и палкою поколотил» за нерадивость¹⁰². 22 декабря он подал графу также объяснения по контракту с подрядчиками¹⁰³, а 24 декабря 1806 г. — «последнее уверение» в «беспристрастном усердии», убеждая его, что во всех недостатках виноваты «графские люди», которые «утаивали всё то, чего подрядчики не выполняли для своей выгоды». Уверяя в своём беспристрастии, Малиновский писал, что изветы происходят «от тех самых, кому я красть мешал», а «большая часть из 22 доносительных статей открыто на себе носят печать подущенной клеветы»¹⁰⁴.

«Заведение... не только навело для меня много беспокойств, но и принуждает решиться на следующие крайние обстоятельства», — сделал приписку Шереметев на одной из копий всеподданнейшего доклада¹⁰⁵. Александру I доклад был подан, вероятно, через Д.П. Трощинского, по 1806 г. включительно занимавшего министерский пост и прежде выполнявшего такие просьбы Шереметева (например, в феврале 1803 г. он передал письмо, написанное графом накануне смерти П.И. Шереметевой, чтобы сообщить о заключённом ими браке и о законном наследнике¹⁰⁶), или через Н.Н. Новосильцева, занимавшегося в 1807 г. перепиской по поводу Странноприимного дома. Не только из текста, но и по тону доклада можно судить, что в 1805–1806 гг. Шереметев потерял контроль над осуществлением своего плана. В нём заметна глубокая обида обманутого в своём доверии человека. Малиновский, писал он, добровольно предложил свою поддержку: «С убеждением вызывался, что он примет на себя труд оный дом под своим присмотром построить и сохранить притом все беспристрастность и попечительность, уверяя, что непреложное его к тому усердие почитает он святым обетом»¹⁰⁷. Милости Шереметева к Малиновскому лично и его «партии» были безграничны: орден Св. Анны 2-й степени¹⁰⁸ он получил «через мои руки», «с изъяснением от министра внутренних дел таковым, что сим милость сделана для меня»; «от него и его помощников он постоянно получал уверения», что «отчётность всегда готова, строение идёт исправно, — передачи в денгах нет, в книги всё записано, и что он, бывая каждый почти день на строении, не оставляет без того, чтоб собственным глазом не осмотрел всего, того что там делается».

Между тем сумма, израсходованная с начала строительства, составила почти полмиллиона рублей¹⁰⁹, а книги за 1806 г. «белые», т.е. без записки прихода

¹⁰¹ Там же, л. 24.

¹⁰² Там же, л. 25.

¹⁰³ Там же, д. 18, л. 14 об.—16 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 31 об.

¹⁰⁵ Там же, д. 17, л. 5.

¹⁰⁶ Там же, д. 21, л. 16–21 об.; беловой вариант имеет заголовок «Г[осподи]ну Трощинскому для сведения записка» (Там же, л. 16). Черновики с собственноручной правкой Шереметева: Там же, д. 17, л. 1–4, 5–10.

¹⁰⁷ Там же, д. 21, л. 16–16 об. Шереметев имеет в виду следующие слова Малиновского в письме от 24 декабря 1806 г.: «Обет души моей с той минуты, как вы изволили выбрать меня исполнителем доброго дела вашего был пред Богом, и ныне непременно есть таков, что содействовать в том всеми способностями моими совершению предприятия вашего, хотя б то было с ущербом здоровья моего и самой личности» (Там же, д. 11, л. 22 об.). Эти слова цитируются как упрек ему в деле «Историческое начертание о построении Странноприимного в Москве дома...» (Там же, д. 18, л. 1 об.—2.)

¹⁰⁸ РГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 42, л. 20.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 17–17 об.

и расхода; в контракте с подрядчиком «сделана приписка излишней суммы... сверх договорной цены», рвы для фундаментов вырыты не той глубины, а стропила железной крыши грозят осесть. «Неустройство и беспорядок» выявились и в управлении вотчиной, приписанной навечно к Дому, «от управляющих ею», «что навлекло невозвратного убытка до 14 144 руб., употреблённых на непозволенные и даже сомнительные расходы». В самой домово́й канцелярии, которой управлял Малиновский со своим помощником Муравьёвым, не только были похищены по крайней мере 2 тыс. руб., «но открылось, что и ключа у сундука не было, в коем хранились денги, не упоминая о неустройстве в делах и медленном взыскании моих интересов», — писал Шереметев. При этом ежегодные выплаты Малиновскому за руководство стройкой и за «надзирание» над домово́й канцелярией составляли от 2 до 6 тыс. руб., а помощникам — по 800 руб. Важно помнить, что помощники, состоя в штате Дома, числились на государственной службе. Ввиду случившихся злоупотреблений Шереметев уже не видел возможности помощникам «вменить прошедшее время в настоящую службу и рекомендовать к награде», т.е. зачесть время в Доме за службу. Однако те настаивали на компенсации, требуя «вместо сей награды большой собственной моей денежной выдачи». Возмущённый Шереметев желал «иметь с ними добровольный розчёт, и в случае распри отдать всё то на суд избранным с обеих сторон почтенных особ»¹¹⁰.

Шереметев не ограничился докладом, но приложил к нему прошение на высочайшее имя, в котором, ссылаясь на «слабость здоровья», необходимость управления собственным обширным имением и постоянное жительство в Петербурге, просил уволить его от управления Домом и назначить попечителем вместо него кого-либо «из добродетельных мужей, которой бы лично надзирая, мог отличным своим достоинством дать нужный вес время от времени сему заведению»¹¹¹. Правя черновики прошения, Шереметев рассматривал даже передачу Дома московскому Приказу общественного призрения¹¹². Помимо смены попечителя он просил утвердить доходы (50 тыс. руб. ежегодно) с села Молодой Туд Ржевского уезда с 8 444 душами мужского пола навечно за Домом, выведя его из-под собственного вотчинного управления, и назначить из них 10 тыс. руб. в уплату будущему попечителю¹¹³. Тем не менее на первый случай Шереметев просил оставить за ним назначение главного смотрителя и других чиновников, «буде я найду людей к сему способных»¹¹⁴. Никаких имён здесь не называлось. Всеподданнейшая записка и прошение 1807 г. были, по сути, попыткой пересмотреть «Учреждение и штат» 1803 г.¹¹⁵ Позже, в своём прошении на имя императрицы Марии Фёдоровны, Шереметев признался, что эти документы «суть мысли... один только предмет заключающая, кои может быть в последствии времени по опыту при самом действии управления не могут быть удобные»¹¹⁶.

Адресованное императору прошение Шереметева в начале 1807 г. передал Н.Н. Новосильцев¹¹⁷. По решению Александра I место попечителя было предло-

¹¹⁰ Там же, л. 18–21.

¹¹¹ Там же, д. 20, л. 26–4, 59 (черновик).

¹¹² Там же, л. 56 об.

¹¹³ Там же, л. 4 об.

¹¹⁴ Там же, л. 5.

¹¹⁵ Там же, л. 6, 7–7 об.

¹¹⁶ Там же, д. 19, л. 3 об.

¹¹⁷ Там же, д. 21, л. 3, 5.

жено М.В. Дмитриеву-Мамонову¹¹⁸. Вскоре от 93-летнего вельможи был получен отказ: «Ни леты мои, ни все нещастия меня в течении всех прошедших годов поражающих, и здоровье моё в чувствительное ослабление приведших... не позволяют принять на себя обязанность сопровождаемую толикими трудами и заботами»¹¹⁹. В апреле 1807 г. в переписке с Новосильцевым промелькнуло имя сенатора А.В. Алябьева¹²⁰, а в октябре Шереметев сам направил письмо гр. Г.В. Орлову, сыну В.Г. Орлова, с просьбой занять пост попечителя Дома. Он апеллировал к дружбе с его отцом¹²¹ и приводил вышеуказанные аргументы в пользу своей отставки¹²².

В силу того что Дмитриев-Мамонов и, видимо, Г.В. Орлов (его письмо не обнаружено) отвергли предложение стать попечителями учреждения, Шереметев адресовался к императрице Марии Фёдоровне как к главноуправляющей благотворительными заведениями с просьбой принять учреждение под своё покровительство¹²³. Прежде приводившиеся причины своего отказа от управления («приятная дань» проживать в Петербурге при дворе и вытекающая отсюда «неудобность» заочного управления, обширность собственных имений) дополнились тем, что невозможно «иметь при сем устроении людей... известных качеств», которые бы могли, усердно исполняя обязанности, «стяжать должное возмездие»¹²⁴ – прозрачный намёк на Малиновского или его помощников. Черновик прошения, содержащий собственноручные исправления Шереметева, не имеет даты. Вероятнее всего, оно было написано в конце 1807 или начале 1808 г. Однако в итоге должность попечителя формально осталась незанятой. В декабре 1808 г. в канцелярии Новосильцева была создана записка, зафиксировавшая состояние дел на тот момент: «За неимением попечителя заведение сие, будучи готово уже к открытию, остаётся праздным. Тем самым вход бедствующим затворён и усерднейшее желание учредителя остаётся без выполнения»¹²⁵.

Малиновский узнал о готовившейся передаче Дома в управление другим лицам от самого Шереметева, получив от него по возвращении в Москву в начале 1807 г. копии всеподданнейших доклада и прошения. Они вызвали у Малиновского панику: «Приходило ль мне на ум, что могли Вы отказаться от любезного сердцу Вашему заведению. Как мог я воображать, чтоб Вы передали дом Странноприимный под управление чужое!», – писал он Шереметеву 18 февраля 1807 г.¹²⁶ Это письмо никак нельзя назвать «дружеским»¹²⁷: Малиновский был подобострастен и полон осознания вины перед патроном, при этом умело воздействовал на Шереметева, старательно скрывая собственные чувства за словами о христианском долге, добродетели, благодарности и, наконец, апеллируя к памяти о его покойной супруге. Он готов заступаться за собственных клиентов – Муравьёва и Соймонова, прося о «милости» к ним, но поворачивая дело так, будто больше

¹¹⁸ Там же, л. 3 об., 7–8.

¹¹⁹ Там же, л. 9–10.

¹²⁰ Там же, л. 23.

¹²¹ Приятели и близкие соседи (по имениям Кусково и Отрада), любители псовой охоты, Н.П. Шереметев и В.Г. Орлов, пятый из братьев Орловых, состояли в переписке, касавшейся в основном обмена щенками и лошадьми, см.: [Шереметев С.Д.] Отголоски XVIII века. Вып. 1. Переписка гр. Н.П. Шереметева с гр. В.Г. Орловым. М., 1896.

¹²² РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 26–27.

¹²³ Там же, д. 19, л. 1–4 об.

¹²⁴ Там же, л. 2–2 об.

¹²⁵ Там же, д. 21, л. 32 об.–33.

¹²⁶ Цит. по: Долгова С.Р. Н.П. Шереметев и семья Малиновских. С. 370–371.

¹²⁷ Ср.: там же. С. 370.

всего в них нуждается сам Шереметев: «Помощники мои оба также *согласны остаться* (курсив мой. — М.Л.) при своих местах. Одной милости испрашиваю за них, чтоб двухгодичная служба их и труды не оставались втуне»¹²⁸. Это был ответ на угрозу увольнения обоих без зачёта службы, прозвучавшую во всеподданнейшем докладе. Сам Малиновский был готов принять должность главного смотрителя «по новому предположению», т.е. на условиях, описанных в прошении Шереметева императору о назначении нового попечителя. Однако он просил позволения остаться на службе в иностранной Коллегии (видимо, Шереметев в своём письме, приложенном к копиям доклада и прошения, предложил ему оставить её): «Совесть и честь моя совокупно убеждают меня принять предлагаемую мне должность главного смотрителя по новому предположению с тем только, чтоб не оставлять мне службы по Иностранной коллегии»¹²⁹.

Окончательное решение назначить Малиновского Шереметев принял не позднее 23 марта 1807 г. Этим днём датирована его записка домовою канцелярии: Малиновский «по произволению своему и моему на то согласию, оставя управление домовою моею канцелярией, не отрёкся быть в звании главного смотрителя при доме Странноприимном»¹³⁰. В этот или в один из следующих дней Шереметев просил императора, ссылаясь на п. VIII «Учреждения и штата» 1803 г. (назначение главного смотрителя зависит от выбора попечителя), утвердить Малиновского в этой должности с сохранением должности при коллежском архиве, поскольку тот «никак не желает оставить оной»¹³¹.

Несмотря на улаженный внешне конфликт, на протяжении 1807 г. письма Малиновского оставались без ответа, а продолжавшиеся поиски нового попечителя сильно его беспокоили. В октябре 1807 г. он просил Шереметева «предупредить будущего попечителя... дабы не пренебрёг он трудов того, который при совершенном безкорыстии посвятил заведению вашему пять лет из жизни своей». Эта просьба, лицемерная на первый взгляд, органична для патрон-клиентских отношений: Малиновский ожидал, что его патрон передаст своего клиента «в хорошие руки». Любезный ответ пришёл, хотя и заставив себя ждать, в январе 1808 г. Шереметев, ссылаясь на затянувшуюся болезнь, писал: «О рекомендации вас будущему попечителю, каковы бы не были мысли ваши ко мне, от которых однако ж я ничего противного себе не ожидаю, и потому быть расположену вам во благо вменяю себе в истинное удовольствие»¹³². Малиновский немедленно ответил письмом с извинениями за «дерзости выражений моих о [всеподданнейшем] докладе по дому Странноприимному», т.е. ещё за февральское письмо 1807 г., а также за то, «что следуя движениям досады на собственную канцелярию за некоторые мне унижения, я необдуманно и резко отказался от присмотра за домовою в Москве канцеляриею до того времени, как переведётся в Петербург»¹³³. Последнее — стандартный приём Малиновского: он вовсе не отказывался от должности, канцелярия была упразднена в октябре 1806 г. решением графа. Далее Малиновский обвиняет в случившейся размолвке «подстрекателей», за которыми легко угадываются его помощники:

¹²⁸ Полностью письма Малиновского от 18 февраля и 23 ноября 1808 г. приводятся в работе: Долгова С.Р. Шереметев и семья Малиновских. С. 371–373.

¹²⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 11, л. 31. Опубл.: Долгова С.Р. Шереметев и семья Малиновских. С. 371–372.

¹³⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 17, л. 17, 22 об.

¹³¹ Там же, д. 20, л. 30–31.

¹³² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 81 об.

¹³³ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 627, л. 5.

«Их неблагодарность и невежественное со мною поведение преобратили прежде шастливую для меня мысль о доброте людей в безпокойную осторожность». Соймонов, как выясняется, даже угрожал занять должность главного смотрителя, но «из деликатности только не решился»¹³⁴. Причиною всему – «не самолюбие, а добродушие моё и открытость в характере». Прошедший (1807-й) год стал для него настоящим «чистищем», признаётся Малиновский¹³⁵.

Отношения, казалось бы, были восстановлены, однако одна ремарка Шереметева указывает на то, что теперь они строились иначе. В письме 1808 г. он велел Малиновскому получить в домовом правлении деньги «на путевые издержки в Молодотудскую волость, сколько нужно будет., оставляя количество на вашу скромность»¹³⁶. Малиновский не оставил без ответа этот намёк: «На дорогу в Молодой Туд полагаю самое большее препорцию двесте рублей, и то для того что возму с собою писца своего; следовательно, и другую повоску»¹³⁷. Таким образом, он признал, что более не распоряжался деньгами патрона так же бесконтрольно, как прежде. Конец конфликта обозначен письмом Шереметева от 6 февраля: «Я же, как и прежде, подтверждаю, что против вас не имею ничего скрытаго, кроме всегдашняго и неременнаго моего расположения»¹³⁸. После этого установилась более регулярная переписка, которая в течение 1808 г. носила привычный, размеренный характер. К открытию Дома в июне 1810 г. главный смотритель и все помощники были на своих должностях, но Шереметева уже не было в живых.

За этой историей стоит ещё одна фигура – всегда остающийся в тени своих сыновей протоиерей Ф.А. Малиновский. Из его переписки с Шереметевым видно, что влияние духовника было значительным не только в нравственных, но и практических вопросах; в частности, он сыграл определённую роль в увольнении своего сына от должности главы московской домовой канцелярии Шереметева. Ещё прежде получения Шереметевым «изветов», 24 июня 1806 г., Малиновский-старший писал графу о необходимости «отвлечь» сына «от многотрудной должности» по управлению канцелярией, оставив ему только дела по Странноприимному дому, «кои бы были съразмерны его силам и здоровью»¹³⁹. Шереметев в своём ответе от 20 июля, отмечая «расстроенное» положение дел московской канцелярии, обещал исполнить пожелание протоиерея, когда всё прояснится¹⁴⁰. Незадолго до отъезда своего сына в Петербург (30 ноября) протоиерей напомнил в письме Шереметеву о его обещании – уволить сына от дел, которые «разрушают его здоровье и отнимают спокойствие духа»¹⁴¹. Хотя повеление о закрытии московской канцелярии было дано ещё 11 октября, оно до конца ноября 1806 г., вероятно, оставалось неизвестным самому А.Ф. Малиновскому. 18 февраля 1807 г., в день, когда он написал отчаянное письмо графу, его отец в письме к нему же принёс искреннюю благодарность за увольнение сына от «управления домашних дел» Шереметева. Более того, из этого письма следует, что именно отец Малиновского своей «родительской властью» (сыну его было 44 года) «приказал... испросить у вас увол[ь]нение»¹⁴². Возможно,

¹³⁴ Там же, л. 5 об.

¹³⁵ Там же, л. 6.

¹³⁶ Там же, л. 4.

¹³⁷ Там же, л. 6.

¹³⁸ Там же, л. 7 об.

¹³⁹ Там же, оп. 1, д. 208, л. 41–41 об.

¹⁴⁰ Там же, л. 43

¹⁴¹ Там же, л. 39 об.

¹⁴² Там же, л. 44.

старший Малиновский хотел помочь своему сыну выйти сухим из воды, сохранив при этом свою власть: не просто как старшего в семье, но и как главы собственного «домового подданства».

Ф.А. Малиновский не оставался в стороне и от строительства Странноприимного дома. Давая Шереметеву в 1802 г. согласие руководить возведением «госпиталя», Малиновский-младший прибавил, что «батюшка также всеми мерами готов и желает в том способствовать»¹⁴³. Находясь в Москве, тот вёл, например, переговоры с архитектором Назаровым, осматривал стройку и строительные материалы¹⁴⁴. Ф.А. Малиновский и его старший сын, целенаправленно создавая собственную клиентелу, обеспечивали должностными лицами как строившийся Странноприимный дом, так и вотчинное правление Шереметева. В октябре 1803 г. они рекомендовали Шереметеву в качестве вотчинного управителя Василия Петровича Софонова – человека «расторопного, и к управлению способного». Рекомендация неслучайная: он «мне ближайший сродник, и в детстве был мною воспитываем», – писал протоиерей. Родство, полагал он, станет источником усердия управляющего¹⁴⁵. Однако именно управление Софонова привело к «невозвратным убыткам» по вотчине Молодой Туд, о которых упоминал в своём докладе Шереметев. Повелением графа от 11 октября 1806 г. вотчина отдавалась в управление чиновникам Дома¹⁴⁶. Тем не менее в 1810-м и в последующие годы Софонов фигурировал в делах Странноприимного дома как управитель той же вотчины¹⁴⁷.

Клиентела Малиновских покоилась на двух столпах – помощниках главного смотрителя. Майора Сергея Матвеевича Соймонова, принятого в 1804 г. с жалованьем по штату 800 руб. в год, Малиновский сам «просил себе помощником»¹⁴⁸. Рекомендуя его Шереметеву, он стремился «набить» Соймонову цену: ему якобы «предлагал теперь попечение о делах своих князь Зубов», у матери которого тот пользовался особой «доверенностью»¹⁴⁹. Шереметев, всегда готовый полагаться на мнение Малиновского, щедро предложил Соймонову 1 тыс. руб. жалованья в год. Через три года помощникам было обещано 5 тыс. руб., если «пойдут все дела хорошо и успешно»¹⁵⁰ (вероятно, об этом награждении, которое взамен зачёта службы пытались вытребовать себе помощники, и шла речь в докладе Шереметева). В своих письмах к Шереметеву в 1805 г., пока всё шло благополучно, Малиновский не забывал напоминать о Соймонове («всякой день там (при строительстве. – М.Л.) безотлучно»), и брал на себя заботу о том, чтобы у патрона сложилось хорошее мнение о нём: «Благоприятный отзыв Вашего Сиятельства к попечительному помощнику моему... Соймонову крайне приятен и для меня»¹⁵¹.

Другой помощник – коллежский секретарь Николай Васильевич Муравьёв, перешедший на службу в Дом в марте 1805 г. из московского почтамта¹⁵², во время строительства служил в домовой канцелярии. Он также не был случай-

¹⁴³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 1–1 об.

¹⁴⁴ Виноградов А. Указ. соч. С. 17.

¹⁴⁵ РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 17 об., 18, 25.

¹⁴⁶ Там же, оп. 14, д. 12, л. 1.

¹⁴⁷ ЦГА Москвы, ф. 208, оп. 1, д. 20, л. 172.

¹⁴⁸ РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 17.

¹⁴⁹ Там же, оп. 3, д. 608, л. 25 об.

¹⁵⁰ Там же, л. 33 об.

¹⁵¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 50, 52.

¹⁵² РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 20, л. 30 об.

ным человеком: злоупотребления, в которых его обвинял граф, отягощались тем, что он приходился А.Ф. Малиновскому двоюродным братом¹⁵³. Однако узы родства были попорчены, как только того потребовали интересы высших лиц. В одном из писем Малиновский убеждал Шереметева отказать в месте главного доктора ещё не открытого Странноприимного дома профессору университета С.А. Немирову, которого ранее сам предлагал на эту должность. В качестве предлога он привёл тот факт, что Немиров женат на племяннице Муравьёва, заподозренного в нелояльности: «он теперь предан более г[осподину] Соймонову, нежели мне, а из таковых связей легко составитя в доме партия противуположная начальству», — писал он графу (возможно, здесь содержится намёк на роль Соймонова в случившемся конфликте). Для большей убедительности Малиновский добавил, что Немиров, как профессор, «уклонится от необходимой по роду службы подчинённости». А чтение лекций в университете даст ему «неопровергаемую отговорку в неисполнении своей должности»¹⁵⁴.

Назначить на это место Малиновский предложил доктора Джеймса Кира — его более солидная кандидатура выходца из Эдинбургской медицинской школы, пользовавшейся огромным влиянием¹⁵⁵, и была настоящей причиной сменны предпочтений Малиновского. Приблизительно в начале 1805 г. Кир прибыл в Россию из Англии по рекомендации С.Р. Воронцова для лечения его тяжело болевшего брата — канцлера¹⁵⁶. Хотя по версии историка А. Виноградова, Кир был выписан из Англии Н.П. Шереметевым специально для занятия этой должности¹⁵⁷, письма племянника Воронцовых Д.П. Бутурлина, проживавшего с А.Р. Воронцовым в Андреевском в последний год жизни канцлера, свидетельствуют об ином: Кир продолжительное время находился у постели умирающего¹⁵⁸. Кир мог быть рекомендован Малиновскому на место главного доктора только окружением Воронцовых, например братом В.Ф. Малиновским, директором канцелярии Министерства иностранных дел, близким к С.Р. Воронцову и Чарторыйскому, исполнявшему обязанности канцлера во время последней болезни А.Р. Воронцова¹⁵⁹. По сведениям историков Странноприимного дома, Джеймс (Яков Васильевич) Кир числился в штате Странноприимного дома с октября 1806 г.¹⁶⁰ — времени, на которое пришлась самая острая фаза в отношениях Шереметева с Малиновским. Письмо последнего о новом докторе не датировано, а окружающие его письма относятся к 1806 г. Согласие Шереметева на назначение Кира датировано 19 марта 1808 г. Если письмо об отказе Немирову Малиновский написал незадолго до этого, а данные историков о штате 1806 г. верны, то Кир был определён главным доктором в самый разгар конфликта и без одобрения Шереметева. В то же время в 1807 г. переписка между

¹⁵³ Там же, д. 21, л. 19.

¹⁵⁴ Там же, оп. 1, д. 208, л. 18.

¹⁵⁵ Кросс Э. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. М., 1996. С. 158.

¹⁵⁶ Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 100; Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 315.

¹⁵⁷ Виноградов А. Указ. соч. С. 58.

¹⁵⁸ Д.П. Бутурлин — С.Р. Воронцову, 3 декабря 1805 г. [в публикации опечатка: 1803 г.] // Архив князя Воронцова. Кн. 32. М., 1896. С. 414 («le bon esculape Kier»).

¹⁵⁹ Розен А. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 40; Skowronek J. Wstep // Czartoryski A.J. Pamietniki i memorialy polityczne. 1776–1809 / Ed. J. Skowronek. Warszawa, 1986. S. 20.

¹⁶⁰ Виноградов А. Указ. соч. С. 58; Тарасенков А. Историческое описание больницы Странноприимного дома графа Шереметева в Москве. М., 1859. С. 17.

Шереметевым и Малиновским была нерегулярной, восстановившись лишь в начале 1808 г., и письмо, написанное в 1806 г., могло оставаться без ответа до начала 1808 г. Во всяком случае в 1808 г. Шереметев легко согласился с кандидатурой главного доктора, вновь уступая Малиновскому¹⁶¹.

Пока нельзя определённо сказать, почему Шереметев не только простил Малиновского, но и согласился оставить при Доме его помощников. Очевидно только, что он не был одержим идеей мести, а скорее, как глубоко религиозный человек, был готов прощать. Было ли, однако, переназначение Малиновского и его помощников только слабостью или же расчётливым ходом? Скорее, второе. На одном из черновиков всеподданнейшего доклада Шереметев собственноручно приписал: «Чтоб они, зная прежнее моё расположение к управлению домом, не могли укорить меня после в сокрытии предполагаемого намерения (назначения другого попечителя. — М.Л.), чрез отказ от управления, и чтоб г[осподин] Малиновский не почёл себя обманутым в том, что когда я подал теперь о его определении в главные смотрители всеподданнейший доклад, а после узнав, что я не буду начальствовать, не признал то определение совершенно против воли его сделанным, и единою хитростию в сие звание помещённым»¹⁶².

Связь клиента со своим патроном оказывается настолько прочной, что даже обнаруженные обман и злоупотребления, в которые был вовлечён Малиновский, не смогли её разрушить. Следует, конечно, принять во внимание, что сохранению этой связи способствовали и личные качества патрона, и страстное нежелание какой бы то ни было публичности, неизбежной в случае разрыва, ведь его клиент был заметной фигурой в московских чиновничьих и научных кругах.

Рассмотренный эпизод из истории патрон-клиентских отношений, с одной стороны, уникален: в течение 10–15 лет эти отношения пережили расцвет, кульминацию и неожиданный резкий разрыв, который, несмотря на серьёзность его причин, оказался временным. С другой стороны, этот случай позволяет сделать некоторые выводы общего характера. Подобные отношения не ограничивались банальными выгодами для тех или иных лиц, а формировали связи между людьми различных состояний, обеспечивали взаимодействие внутри общества, в котором социальный статус был предельно формализован, причём обладали большой устойчивостью и представляли значительную ценность для обеих сторон.

В своей недавней монографии А. Мартин показал, что такое взаимодействие существовало не только в среде аристократии и её окружения, но и на других ступенях общественной иерархии¹⁶³. Способы формирования клиентелы Малиновских подтверждают последний тезис: эти отношения расходились кругами по поверхности общества. Их неформальность (что могло связывать богатейшего аристократа с сыном приходского протоиерея — когда-то мелким чиновником, обладателем фиктивной дворянской родословной?), а также устойчивость и наследственность¹⁶⁴ открывали путь к реализации личных стратегий людей из непривилегированных слоёв, при условии, конечно, что им хватало способностей и настойчивости воспользоваться такими возможностями.

¹⁶¹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 627, л. 14–14 об.

¹⁶² Там же, оп. 14, д. 17, л. 10. К сожалению, у этой фразы отсутствует начало.

¹⁶³ Martin A. Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855. Oxford, 2013. P. 149.

¹⁶⁴ На эти черты указывает М.М. Кром. См.: Патронат и клиента в истории России... С. 263.